

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Проблема этногенеза населения Иберии (древней Испании)

Доисторическая общественность — это племенная, а племенные образования абсолютно не однородные массивы, а производственно-классово слагавшиеся объединения или этнические образования.

Н. Я. Марр¹

1. Состояние вопроса в современной науке

Проблеме этногенеза населения древней Иберии немало уделялось внимания. Ею занимались не только буржуазные исследователи, но и советские ученые. Однако до сих пор, несмотря на многочисленные работы на эту тему, все-таки проблема в целом не решена; наоборот, ставка западноевропейских ученых на миграцию для разрешения вопроса о древних иберах завела их в тупик; из которого не могут указать выхода ни буржуазные лингвисты со своим формально-сравнительным методом, ни археологи. Археологический материал, имеющий немалое значение, используется неправильно, так как в буржуазной науке принято приписывать ту или другую культуру (степень культурного развития) определенному народу.

Причину того, что буржуазные историки в вопросе этногенеза бредут ощупью, как нельзя лучше характеризует наш марксистский ученый Н. Я. Марр: «...ученые ищут то, чего никто не терял; они ищут доселе примитивными приемами расовой этнологии, ищут народов-массивов без изменчивости типа во времени и пространстве, т. е. в вопросе о текущем социально-экономическом образовании, не устоявшемся типологически коллективе бурного переходного времени, ищут фантомов, созидаемых по образу и подобию представлений о стабилизированном впоследствии историческом или современном нам этнографическом типе, без учета в их речи эволюции «пермутационного» порядка, собственно без учета революционных сдвигов в хозяйственной жизни и в развитии общественных форм и без учета творческой роли руководящих слоев, классов или сословий, выделявшихся в путях диалектического развития, когда при определенных однородных социально-экономических предпосылках один и тот же результат получается в различных местах, независимо от эмиграции»².

Остановимся на теориях, развиваемых в таких произведениях конца XIX и начала XX в., где дается последнее достижение историографии по вопросу этногенеза населения Иберии. Древнейшим населением Иберийского полуострова, по данным некоторых буржуазных ученых, были лигуры. Зачатки этой теории восходят к французскому ученому Жюбэнвилю³, а настоящим создателем ее является С. Жюллиан⁴. Жюбэнвиль, устанавливая гипотезу о лигурах как первоначальных жителях Иберии, руководствовался материалом лингвистики и некоторыми указаниями античных авторов, в то время как Жюллиан, привлекая, главным образом, материалы литературных источников, старается использовать также вещественные памятники.

¹ Н. Я. Марр, Абхазоведение и абхазы, «Избр. раб.», т. V, 1935, стр. 186.

² Н. Я. Марр, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, Л., 1930, стр. 60.

³ H. d'Arbois de Jubainville, Les premiers habitants de l'Europe, I. Paris, 1889, стр. 308 сл.; II, 1894, стр. 1—218.

⁴ Jullian, Histoire de la Gaule, I. Paris, 1908, стр. 116—119. В статье «Notes gallo-romaines», REA, VIII, 1906, стр. 47—49, Jullian приписывает лигурам распространенные в Иберии слова с окончанием *-briga*.

Окончательно оформленная Шульценом лигурская теория, несмотря на скептицизм некоторых ученых (о чем речь будет ниже), свила себе прочное гнездо в западноевропейской историографии, и отголоски ее можно проследить и в советской литературе. Например, Д. Кончаловский пишет: «Кельты проникли в Испанию из южной Франции...; они заняли центральное ее плоскогорье и отсюда распространились на запад и юго-запад, вытесняя или поглощая лигуров»¹. Вопрос о том, когда и каким образом лигуры попали в Иберию, остается у него открытым. В недавно вышедшем труде В. С. Сергеева говорится: «Туземным населением Испании были лигуры и иберы»². Б. В. Казанский, не останавливаясь на подробном разборе этнического состава Иберии, находит, что «может быть, наиболее удачно предположение, по которому баски представляют исконнейшее население Пиренейского полуострова (его причисляют к «лигурам», жившим в историческое время от Пиренеев до северной Италии), оттесненное иберами... Каталонцы, в таком случае, создались бы из смешения иберов и лигуров или лигуров и кельтов»³.

Было бы неправильно, если бы мы не отметили, что некоторые исследователи отрицают пребывание лигуров на Пиренейском полуострове. Уже Филипон, ученик Жюбэнвилля, писал: «...лигуры никогда не занимали Пиренейского полуострова»⁴. Шухардт тоже интересовался гипотезой Шульцена о лигурах в Иберии и тщательно проанализировал его лингвистический материал. Он прежде всего установил, что если с настоящим иберийским языком мы немного знакомы благодаря нумизматическим и эпиграфическим данным, то о лигурийском языке мы почти ничего не знаем. Этот язык, по его мнению, в наше время пользуется лишь тем преимуществом, что ему отводят все «лингвистическое достояние, не имеющее хозяина»—*herrenloses Gut*⁵. Далее он говорит, что «Шульцен во всяком случае, преданно следуя Жюбэнвиллю, принял лигурийское многое, что на самом деле им не является»⁶. Бош-Гимпера, руководствуясь, главным образом, археологическими исследованиями, утверждает: «Что такое лигуры—мы не знаем, но ни в коем случае неправильно о них говорить как об едином населении всей Западной Европы»⁷. Наличие лигуров в древней Иберии отрицают и некоторые другие ученые, о которых речь будет ниже при обзоре античных источников по данному вопросу. Наконец, следует упомянуть еще о мнении Е. Г. Кагарова, который, констатируя, что «древнейшее население Испании составляли, по свидетельству античных писателей, лигуры, иберы и баски», все-таки прав, что данные, приводимые в пользу теории Шульцена относительно происхождения басков от лигуров, «весьма и весьма сомнительны»⁸.

Энгельс, классические труды которого в области древней истории по многим вопросам пролагали новые пути, отметил, что баски являются потомками неолитических обитателей Иберии, которые «принадлежали, по всей вероятности, к иберийской расе»⁹. Мнение Энгельса блестяще подтвердили лингвистические исследования Н. Я. Марра. Остановимся прежде всего на краткой характеристике его теории. Труды этого ученого являются ценнейшим источником для построения марксистской теории этногенеза древнего населения Иберийского полуострова. Н. Я. Марр связывает и сверяет лингвистические исследования, служащие нам вспомогательной дисциплиной, особенно для изучения древнейших периодов в развитии человеческого общества, с фактами социально-экономического характера. Например, про басков он пишет: «Единственно переживший в Европе народ с доисторическим складом речи, речью яфетической системы, баскский народ донес до порога XIX в. институт древнейшего социального

¹ Кончаловский, Испания, БСЭ.

² В. С. Сергеев, Очерки по истории Древнего Рима, т. I, 1938, стр. 95.

³ Б. В. Казанский, Начало Испании. «Советская этнография», I, 1938, стр. 192.

⁴ P h i l i p p o n, Les Ibères... Paris, 1909, стр. 150.

⁵ H. S c h u c h a r d t, Baskisch—Iberisch oder Ligurisch. MAGW, 1915, стр. 115.

⁶ Ibidem.

⁷ B o s c h - G i m p e r a, Die Vorgeschichte d. Iberer, MAGW, LV, 1925, стр. 112.

⁸ Е. Г. Кагаров, Исторические наслоения в земледельческой технике Испании. «Советская этнография», I, 1938, стр. 196.

⁹ Ф. Э н г е л ь с, К истории древних германцев, М. и Э., Соч., т. XVI, ч. I, стр. 341.

строю, матриархат, в пережиточной форме, именно в так наз. куваде, когда супруг по прибавлении семьи ложится в постель и разыгрывает роль роженицы, матери»¹. В другом месте говорится: «Германский слой, роднящийся на Кавказе со сванским и армянским и в Пиренеях с баскским, определяется по материальной культуре наличием уже железа и хлебных злаков, однако до существования пшеницы, по социальной культуре—господством матриархата, и особенно связанного с ним культа; в соответственном мировоззрении того же слоя господствует все еще животный тотемизм, хотя и перенесенный на космический мир, но уже налицо твердый очаг, «несмещаемый алтарь» оседлого населения»². Это увязывание развития языка с развитием социально-экономической структуры общества является самым существенным в яфетидологии. Против индоевропейской языковой концепции, тесно увязанной с расовой теорией, была выдвинута проблема стадийного развития языка. Монизм языкового развития получил свое выражение в яфетидологии в учении о едином глоттогоническом процессе у всех народов. Например, в предисловии к немецкому изданию «Яфетического Кавказа» Н. Я. Марр пишет: «...сама Европа обладает этническим субстратом, увязанным с самого начала как с Азией, так и с Африкой; до наших дней он проявляется в творческой работе Европы во всех областях культуры, не говоря о наследии, которое исторические народы древнего мира получили от него в готовом виде»³.

«Палеонтологическое разъяснение названий населенных пунктов, морей и озер, рек и гор, т. е. всей топонимики, поскольку она пережиточная, архаическая, установило, что племена доисторического населения всей Афроэвразии были рассеяны одни и те же по всему обширному району средиземноморского окружения и прилегающим к нему районам трех названных старых частей света—Африки, Европы, Азии. Везде одна и та же группа племен, яфетических племен, ложится в основу общественной жизни данного района, в основу происходящего в каждом таком районе процесса нарастания нового этнического типа, образования новых видов племен и народов, все под теми или иными старыми тождественными названиями или их разновидностями. Возникает сомнение в полезности исканий особых центров зарождения, когда везде происходило одно и то же. Поскольку речь касается вопроса о каком-либо общем первоначальном источнике, это так и есть. Мы считаем бесполезным и ненужным, вообще не реальным, переводить, например, иберов вообще с востока на запад, или с запада на восток, или обе эти стороны с юга, из Африки (есть, ведь, и такое исследовательское устремление)»⁴.

Н. Я. Марр стоит на той точке зрения, что баски являются потомками древнего яфетического субстрата населения Пиренейского полуострова. Например, в своем труде «Чуваши яфетиды на Волге» он пишет, что французы получили слово «rog-t-eg»—нести—«от западноевропейских яфетидов, басков-иберов»⁵. На происхождение басков от древнего населения полуострова Н. Я. Марр указывает в этой работе еще раз в другом месте⁶ и, кроме того, неоднократно в других многочисленных трудах.

Что касается лигуров, то Н. Я. Марр, как всякую другую доисторическую миграцию, отрицал и лигурскую, указывая на то, что Шультену следовало бы внимательнее отнестись к возражениям Шухардта⁷.

В связи с учением Н. Я. Марра мы должны еще вкратце затронуть теорию Бош-Гимпера, который, отрицая происхождение басков не только от лигуров, но и от ибе-

¹ Н. Я. Марр, Расселение языков и народов и вопрос о прародине. «Избр. раб.», т. IV, 1937, стр. 150.

² Н. Я. Марр, Новый поворот в работе по яфетической теории. «Избр. раб.», т. I, стр. 316—317.

³ Н. Я. Марр, Предисловие к нем. изданию «Яфетического Кавказа». «Избр. раб.», т. I, 1933, стр. 151.

⁴ Н. Я. Марр, Абхазоведение и абхазы. «Избр. раб.», т. V, 1935, стр. 165.

⁵ Там же, т. V, 1939, стр. 327—328.

⁶ Там же, стр. 358.

⁷ Н. Я. Марр, Предисловие к нем. изд. «Яфетического Кавказа». «Избр. раб.», т. I, 1933, стр. 153 (прим. 2).

ров, полагает, что они являются потомками древнейшего населения Пиренейских гор¹. Этот ученый, упоминая о труде Н. Я. Марра, *Der japhetische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur*, Berlin—Stuttgart—Leipzig, 1923, отрицает миграцию басков с Кавказа (эту точку зрения и Н. Я. Марр отбросил в более поздних трудах), но при этом допускает, что «если действительно существуют языковые связи с кавказскими народами, то они должны быть совершенно общего характера в формировании языка, который, может быть, представляет собой одинаковую (похожую) ступень развития речи»². Такое предположение Бош-Гимпера является по существу признанием лингвистических исследований Н. Я. Марра, несмотря на то, что он существенно расходится с последним в общих исторических выводах.

Следующий вопрос, относящийся к нашей теме,—это проблема иммиграции иберов на полуостров или автохтонного развития таковых на месте. Пользуясь данными топонимики, Гонгора-и-Мартинец пишет, что в древнее время одна «нация»—*pasion*,—³ называвшая себя иберийской, перешла границы Азии у Кавказа и через Европу направилась на Пиренейский полуостров. Он находит следы ее пребывания в Европе, например, в названии реки Небро (*Ibero*) и города *Abdera* во Фракии. Данного ученого при этом ничуть не смущают неубедительное сравнение *Небро* с *Ibero* и то обстоятельство, что *Абдера* в Иберии—древняя финикийская колония.

Несколько иначе мигрирует «иберийская раса» у Филипона. По его мнению, иберы пришли из Азии не сразу, а этапами. Миновав северные области Малой Азии, они переправились через Геллеспонт и, пройдя Фракию и Иллирию, проникли на Иберийский полуостров с двух концов Пиренейского хребта⁴. Этот путь он обосновывает данными топонимии и ономастики. Для характеристики его подхода достаточно указать, что *Rhodanos* (название Роны), по его мнению, несомненно иберийское название, так как Эсхилом, по сообщению Плиния, совершенно ясно указано, что эта река течет в Иберии⁵.

По теории Шультена, иберийские племена являются иммигрантами из Ливии. Исходя из того, что в более позднее время были переселения из Африки в Испанию, например, финикийян, мавров и арабов, и, наоборот, вандалов из Испании в Африку, он приходит к следующему выводу: «...что иберы происходят из Африки и уже с незапамятных времен живут в Испании, при более близком знакомстве становится вполне достоверным»⁶. Гибралтарский пролив не представляет собою удобного моста для переправы из Африки в Европу. Он имеет очень сильное течение и солидную ширину; в самом узком месте—13 километров. Народу, которому хотелось бы переправиться в Европу, потребовались бы уже небольшие корабли. Шультен предвидел эту трудность и поэтому полагает, что переселение происходило во время четвертичного периода, когда Пиренейский полуостров был еще соединен перешейком с Африкой⁷. Таким образом он отодвинул эту иммиграцию в такую древность, когда еще существовал первобытно-стадный период и ни о каком «ливийско-иберийском народе» и речи не могло быть. Кстати сказать, Шультен и лигуров не считает автохтонами Иберии, а полагает, что они переселились сюда из Африки еще до иберов⁸.

Дальше возникает вопрос о происхождении жителей юга Иберии—таргессиев, или, по более позднему названию, турдетанов. В 1914 г. Шультен писал: «К какому народу турдетаны принадлежат, теперь можно установить с полной уверенностью: они явля-

¹ Bosch-Gimpera, *Die Vorgeschichte d. Iberer*. MAGW, LV, 1925, стр. 100, 112—113.

² *Ibid.*, стр. 115.

³ G o n g o r a u M a r t i n e z, *Antiguedades Prehistoricas de Andalucia*. Madrid, 1868, стр. 117.

⁴ P h i l i p o n, *Les Ibères*. Paris, 1909, стр. 98.

⁵ «Numantia», I, стр. 81; P l i n, XXXVII, 32: «Aeschylus in Iberia Eridanum esse dixit eundemque appellari Rhodulus».

⁶ «Numantia», I, стр. 36.

⁷ *Ibid.*, стр. 51.

⁸ *Ibid.*, стр. 76.

ются иберами»¹. В доказательство этого Шультен приводит ряд своих соображений. Но через восемь лет этническая принадлежность турдетанов вдруг вызывает у него сомнения. Прежде всего он констатирует, что «психологический тип иберов кажется совершенно различным от тартессиев» (турдетанов)². Дальше его смущает древняя и высокая культура, которая так резко расходится с «варварством иберов»³. Возможно, что турдетаны—это лигуры; но тогда это не сходится с их позднейшим варварством... Возможно, что Тартесс—колония дофиникийских мореплавателей, например критян, но тогда смущает то, что название города Тартесс имеет иберийскую основу *Tharth-*, а имя турдетанов—иберийский суффикс *-ianus*⁴.

Снова прошли годы (8 лет), пока, наконец, не было найдено такое решение этого вопроса, которое полностью удовлетворяет Шультена, а именно: Тартесс—этрусская колония. Все кажущиеся противоречия теперь объясняются вполне удовлетворительно. «Высокая и старая культура тартессиев с летописями, песнями и законами в ритмической форме, о которой слышал еще Посидоний (*S t r a b o*, 139), подходит не к некультурным иберам, а к этрускам, ибо и эти имели издревле песни (*Л у к р е ц и й*, VI, 38 «Тирренские песни»), летописи (Варрон у Цензорина, *De die nat.*, 17, 5 «Этрусская история») и общепринятые установления, касающиеся всей общественной и частной жизни»⁵. Однако в связи с новой теорией возникает серьезное затруднение. Общеизвестно, что древние этруски были смертельные враги фокеев, а тут вдруг «этриск» Аргантоний, согласно Геродоту (I, 165), не только гостеприимно встречает самосца Колая, но дает ему денег и предлагает даже поселиться в стране. Впрочем, и здесь Шультен находит объяснение: иберийские этруски в течение веков стали врагами своей родины⁶. Что заставило их стать врагами своей родины—это неизвестно и вряд ли когда-либо выяснится.

Остановимся на лингвистической параллели, которая составляет у Шультена основу для превращения турдетанов-иберов в турдетанов-этрусков. Во-первых, устанавливается, что более правильно будет писать *turtetani*, ибо Катон назвал область *Turta*⁷. Если *Turta* называлась область, то, естественно, жители назывались туртетанами и сам город, повидимому, называется *Turta*⁸. Таким образом названия города и племен его территории сведены к одному термину *Turta*. Дальше Шультен делает заключение: «Это имя *Turta* полностью соответствует этрусскому *turte*. Мало того, что турдетаны теперь уже этруски: при помощи этого термина *turte* теперь вполне возможно, «что Тартесс является основанием этрусского рода *turte* и поэтому так же, как он, назывался *Turte*». Таким образом мы теперь уже видим, что Андалузия в древности населена этрусками.

Шультена ничуть не смущает то, что Гольдер приводит ряд параллелей в кельтском языке: *Tartas*, *Tartos*, *Tartus*⁹ и др., в которых везде встречается сходный с Тартессом корень *-tart-*, и что он сам раньше установил иберийский корень *tarth-*, лежащий в основе слова Тартесс. Он попросту все это теперь не принимает во внимание, ибо это не соответствовало бы его концепции.

Кстати заметим, что это не единственные омонимы: встречается еще *Tarsos* в Киликии, две местности этого названия в Вифинии, реки *Tarsios* в Мезии и *Tarsarus* у Понта¹⁰. При наличии творческой фантазии можно свободно превратить Тартесс в колонию жителей Малой Азии, где встречаются эти названия, ибо *t* очень легко переходит в *s* во многих древних языках. Действительно, Е. Г. Кагаров пишет: «Исходя из анализа имени *Tartessos*, вторая часть которого *-ssos* весьма распространена в Малой

¹ *Numantia*», I, стр. 35.

² *S c h u l t e n*, *Tartessos*, Hamburg, 1922, стр. 78.

³ *Ibid.*, стр. 80.

⁴ *Ibid.*, стр. 89—80.

⁵ *S c h u l t e n*, *Die Etrusker in Spanien*. «*Klio*», XXIII, 1930, стр. 397.

⁶ *Ibid.*, стр. 398.

⁷ *Ibid.*, стр. 391. Hübner по-иному подошел к термину Катона: он попросту игнорировал его в «*Monumenta linguae ibericae*».

⁸ *Ibid.*, стр. 392.

⁹ *H o l d e r*, *Altceltischer Sprachschatz*, 1881, «*Tartas*».

¹⁰ *S c h u l t e n*, *op. cit.*, стр. 392—393.

Азии и Крите, ...можно с большой уверенностью предположить, что гор. Тартесс был первоначально колонией малоазийского народа»¹.

Некоторого внимания заслуживает еще гипотеза относительно тартессиев, развиваемая Бош-Гимпера. Этот испанский ученый, который во многом сходится с Шульте-ном, полагает, что тартессии, как и иберы, иммигрировали из северной Африки и в известной мере этнически родственны им². Однако при этом он считает, что все иберийские племена подразделяются на две группы, из которых от иберов в собственном смысле в корне отличается другая группа «тартесских» народов³. Если археологические материалы доказывают определенную непрерывность⁴ развития иберов уже с времен неолита⁵, то тартессии, повидимому, иммигрировали в Иберию в период от 1200 до 1000 г. до н. э.⁶

Н. Я. Марр указывает: «Когда Шультен («Numantia», I, стр. 36) пишет: «Кажется даже, что названия иберов и берберов тождественны. Основа удвоенного Berber-ber; эта же основа налицо и в I-ber-i, где i, кстати сказать, является иберским начальным звуком», — то он сам не знает, что он совершенно прав, получая сильнейшую поддержку и подтверждение от яфетической теории»⁷. Значит ли это, что Н. Я. Марр разделяет точку зрения Шультена? Нет. Родственность древнего населения Иберии и северной Африки у Марра базируется не на том, что это расово тождественная этническая масса с неизменчивым типом культуры, проникшая в Иберию путем миграции, как это утверждает Шультен, а на том, что состояние развития речи населения обеих стран, базирующееся на общности материальной культуры, — одинаково. Н. Я. Марр продолжает дальше: «Schulten доказывает то же самое, но на основании исторических свидетельств и топонимики Африки, ни на африканском, ни на пиренейском материале исторически не прослеживаемой, поэтому и висящей в воздухе»⁸. Что касается тартессиев-турдетанов, то Марр специально на них не останавливается, ибо отличающий их от иберов языковый материал, кроме названия племени, до сих пор отсутствует.

Наконец, мы еще должны осветить различные версии нашествия или иммиграции кельтов в Иберию. Эта гипотеза существует столько же времени, сколько и буржуазная историография. Однако, несмотря на это, в этом вопросе до сих пор нет ясности, и каждый ученый, занимаясь историей древней Иберии, приводит свои соображения и доказательств наличия кельтов на полуострове в античное время. В последнее время даже иногда не считают больше необходимым обосновать подробно принятие этой гипотезы. Например, Низе пишет: «Хотя сведения относительно этого (кельтского нашествия) полностью отсутствуют, но в самом факте нельзя сомневаться»⁹. Шапо, следуя Шультену, говорит об иберах «что к ним прибыли наряду с другими, наконец, северные иммигранты в виде кельтов, откуда и произошло имя кельтиберов»¹⁰. У проф. Сергеева мы читаем: «Около VI в. с севера началось передвижение кельтских племен, оседавших в западной и центральной частях полуострова и смешивавшихся с иберами (кельтиберы)»¹¹. То же самое повторяется у Е. Г. Кагарова: «Вторжение кельтов на север Испании (VI в. до н. э.) положило начало смешению туземного населения Пиренейского полуострова с кельтами, что отразилось в племенном названии «кельтиберов»»¹².

Относительно времени появления кельтов в Иберии Гонгора-и-Мартинец полагает,

¹ Е. Г. Кагаров, Исторические наслоения в земледельческой технике Испании. «Советская этнография», I, 1938, стр. 198.

² B o s c h - G i m p e r a, op. cit., стр. 90—91.

³ Ibid., стр. 89.

⁴ Ibid., стр. 96.

⁵ B o s c h - G i m p e r a, Die neueste arch. Tätigkeit in Spanien, «Arch. Anz.», 1923—24, стр. 237.

⁶ B o s c h - G i m p e r a, Die Vorgesch. d. Iberer, стр. 96.

⁷ Н. Я. Марр, Предисловие к нем. изданию «Яфет. Кавказа». «Избр. раб.», т. I, 1933, стр. 15.

⁸ Там же.

⁹ N i e s e, RE, «Galli».

¹⁰ V. C h a p o t, Le monde Romain. Paris, 1927, стр. 173.

¹¹ В. С. Сергеев, ук. соч., М., 1938, стр. 95.

¹² Е. Г. Кагаров, ук. соч., стр. 192.

что кельты перешли Пиренеи и заняли полуостров в период с X по VI в. до н. э.¹ Бош-Гимпера допускает просачивание кельтов в Иберию уже около 900 г.² Филипон находит, что это нашествие произошло в VII в.³, а по Шультену, переход через Пиренеи совершился приблизительно в 600 г.⁴ Согласно Мюлленгофу, иммиграция последовала в последней четверти или трети VI в.⁵ Фейст⁶ и Гюбнер⁷ установили дату около 500 г., в то время как Э. Мейер настаивает на нескольких переходах Пиренеев кельтами. По его словам, первая иммиграция была в VI в., а вторая около 400 г.⁸ Жюллиан датирует это событие около 400 г.⁹, а Низе относит к IV в.¹⁰ Такое чрезвычайное разнообразие мнений сразу же показывает, на каком шатком фундаменте построено все «научное здание» этой гипотезы.

Не лучше обстоит дело и с путями нашествия. Всех исследователей до сих пор удивляет, что в области между Пиренеями и Ибером при всем желании никак нельзя доказать каких-либо остатков или следов кельтов. Исходя из этого, Филипон и Гирт утверждают, что кельты пришли морем через Бискайский залив¹¹. Шультен полагает, что кельты проникли в Иберию через западные Пиренеи, вероятно, через Ронцевальскую долину¹². Бош-Гимпера, исходя из навязчивой идеи, что кельтам принадлежит галльштаттская культура в Иберии, установил ту же дорогу следования¹³. Ряд историков, говоря о кельтах в Иберии, обходят этот вопрос молчанием, ибо в действительности какие-либо источники совершенно отсутствуют, и Шультен следует лишь мнению Мюлленгофа¹⁴, а Бош-Гимпера—Шультену.

Что касается занимаемой кельтами территории, то обыкновенно им отводят только части центральной или северо-западной Иберии¹⁵. Однако встречаются также мнения, что они занимали весь полуостров¹⁶. Моверс, распространяя кельтов по всему полуострову, делает их виновниками изгнания восточных финикийцев¹⁷; Нибур, полагая тоже, что они занимали всю Иберию, стоит на той точке зрения, что кельты являются в Испании автохтонами. Все-таки Нибур подчеркнул один существенный дефект всей миграционной теории, а именно: как могли бы кельты, не сумевшие удержать за собою даже Пиренеи, распространиться по всему полуострову¹⁸. Такие веские сомнения встречаются и у других ученых. Для устранения этого противоречия выдумываются столь же противоречивые доводы: например, Шультен полагает, что кельты проникли в Иберию, сметая со своего пути лигуров (драганов), живших, по его мнению, на западном побережье Галлии¹⁹, а Бош-Гимпера пишет: «Трудно себе представить, что они (кельты) добровольно сменили богатый юг Франции на бедные степи испанского плоскогорья»: Далее объясняет он это тем, что они с юга Галлии были изгнаны лигурами²⁰.

¹ G o n g o r a y M a r t i n e z, op. cit., стр. 121.

² B o s c h - G i m p e r a, Die neueste arch. Tätigkeit. «Arch. Anz.», 1923—24, стр. 237.

³ P h i l i p o n, op. cit., стр. XX.

⁴ «Numantia», I, стр. 105.

⁵ M ü l l e n h o f f, Deutsche Altertumskunde, I, 1890, стр. 108.

⁶ S. F e i s t, Europa im Lichte der Vorgeschichte («Quellen u. Forschungen»), 1910, стр. 18.

⁷ H ü b n e r, RE, «Celtici».

⁸ E d. M e y e r, Geschichte d. Altertums, I, 2, стр. 528, 566; II, стр. 426.

⁹ J u l l i a n, Histoire de la Gaule. Paris, 1908, стр. 308.

¹⁰ N i e s e, RE, «Galli», стр. 615.

¹¹ H i r t, Indogermanen. Strassburg, 1905, стр. 168—169; P h i l i p o n, op. cit., стр. 140.

¹² «Numantia», I, стр. 104, 106.

¹³ B o s c h - G i m p e r a, Die Kelten und die keltische Kultur in Spanien. «Mannusbibliothek», XXII, 1922, стр. 63.

¹⁴ M ü l l e n h o f f, op. cit., II, стр. 237.

¹⁵ «Numantia», I, стр. 22.

¹⁶ G o n g o r a y M a r t i n e z, op. cit., стр. 121.

¹⁷ M o v e r s, Die Phönizier, II, 2, стр. 589, 655.

¹⁸ N i e b u h r, Vorträge über alte Länder und Völkerkunde, стр. 604.

¹⁹ «Numantia», I, глава 1.

²⁰ B o s c h - G i m p e r a, Die Kelten und die keltische Kultur in Spanien. «Mannusbibliothek», XXII, 1922, стр. 64.

Значит, у Шультена кельты гонят лигуров, а у Бош-Гимпера наоборот, лигуры — кельтов.

Кельтской проблемой сильно интересовался и Н. Я. Марр. В одном месте он пишет: «Кельты, учит старая школа, это сложившаяся, мол, где-то в одной территориально изолированной среде народность, которая, точно река Нил с ее разветвлениями в Египте, благодетельствует мир, разливаясь по белу свету многочисленными миграционными потоками». Далее он цитирует ирландца Мак Нейла, разрешившего кельтскую проблему примитивными приемами расовой этнографии и считающего, что эта «раса-завоевательница» свободно пробивалась во все стороны благодаря тому, что это был «народ, сильный числом, смелый духом и преуспевший в рудном деле и металлургическом производстве»¹. Н. Я. Марр констатирует, что буржуазные историки не в состоянии установить какие-либо расовые признаки кельтов, так как их не существует. «С кельтами дело идет не о чудовищном разливе по Европе и Азии племенного образования, фантастического, а потому неулавливаемого как одна цельная массивная народность, а о слое, кельтском социальном слое, возникшем при одинаковых условиях по всей Евразии с глубокими на местах корнями»². Однако этим не сказано, что Н. Я. Марр отрицает всякую миграцию кельтов: он отрицает только гипотетические доисторические, искусственно созданные буржуазные миграционные теории, «если речь не о народе, вселившемся заведомо на памяти исторических источников»³. Так, он, например, пишет: «Через Балканы и Грецию кельтов представляют переселившимися в Галатию в Малой Азии, где они, действительно, были»⁴.

Обратимся теперь к источникам, для того чтобы выяснить, насколько ссылки на них со стороны буржуазных историков обоснованы и какую они нам дают картину первоначальных этнических образований, их географических размещений и территориальных границ.

II. Разбор и критика различных теорий

Шультен, автор издаваемых в Барселоне «*Fontes Hispaniae Antiquae*», поместил в первом томе (I, 16) фрагмент из трудов Гесиода, служащий якобы доказательством наличия лигуров в Иберии. Текст фрагмента гласит: «Эфиопы, лигии, а также доящие кобылиц скифы». Шультен делает отсюда вывод, что «во время Гесиода лигуры считались главным народом Запада, как позднее кельты»⁵. На самом деле этот фрагмент ничего общего не имеет с Иберией, и недаром Рцах помещает лигуров этого фрагмента около Морских Альп или в Колхиде⁶. Беспочвенность ссылки на Гесиода отметил и Бош-Гимпера, сказав иронически, что Шультен, рассматривая первобытное население Иберии как лигурийское, «следует по стопам Жюллиана, который опирается на знаменитый текст Гесиода»⁷.

Дальнейшим доказательством Шультену служит место у Авиена (284), где говорится, что недалеко от устья Тартесса расположено «Лигустинское озеро», и у Стефана Византийского, передающего фрагмент: «Лигистина — город лигеев, находящийся вблизи западной Иберии и недалеко от Тартесса» (FHA, I, 331). Знаток античной литературы Якоби (FGH, I, 331), а также и Покорный⁸ отрицают эти свидетельства, а Н. Я. Марр окончательно лишает их всякого значения, доказывая, что «*li-gur* (если хотите, и *li-gus*) есть разновидность того же термина *iber*», и отмечая, что яфетические исследования, конечно, важнее, «чем мировоззрение ученейшего доисторика-этнолога XIX века Жюбэнвилля».

¹ Н. Я. Марр, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема. «Избр. раб.», 1935, стр. 426—427.

² Там же, стр. 430.

³ Н. Я. Марр, Расселение языков и народов. «Избр. раб.», т. IV, 1937, стр. 142.

⁴ Егоров, Родная речь..., «Избр. раб.», т. V, стр. 428.

⁵ «*Nimantia*», I, стр. 66.

⁶ R z a c h, RE, «Hesiod.», стр. 1210.

⁷ B o s c h - G i m p e r a, Die neueste arch. Tätigkeit. «Arch. Anz.», 1923—24, стр. 235.

⁸ P o k o r n y, RL, «Iberer».

Далее Шультен пишет: «То, что некогда весь запад полуострова был лигурийским, утверждает Авиен (152), который сообщает, что Офиусса, земля от Святого мыса до Бискайского залива, когда-то имела тех же жителей, как и Эстримнида (Бретань), т. е. лигуров»¹. Посмотрим сначала, что за лигуры находились в Бретани. Шультен говорит, что лигурами здесь являются драганы, и ссылается на Авиена (197) и Жюллиана². Однако Авиен не указал, что драганы—это лигуры, и единственным аргументом Шультена является только то, что название реки Лигер (соврем. Луара) имеет сходство с именем лигуров и поэтому означает «лигурская река». Марр доказал беспочвенность ссылки на этот термин; отметим, и Наварро рассматривает это как следствие «некоторого недоразумения»³.

По мнению Шультена, присутствие лигуров установлено также и на северном побережье Иберийского полуострова (FHA, I, 94). Свидетелем этого является якобы Авиен, который говорит про «*regnix Ligus*—быстрый лигус» (196). Необходимо указать, что в древней рукописи Авиена стояло «*regnix lucis*» и исправление *lucis* на *ligus* является лишь интерпретацией Шрадера, вошедшей позднее в печатный текст. Мюлленгоф не мог поместить этих «лигуров» в Иберию, и знаменитый географ Киперт, руководствуясь поэмой Авиена, не уделил им территории на карте Иберии⁴:

«Присутствие лигуров на восточном побережье подтверждается не столько уже вышеотмеченным местом Фукидида относительно сиканов, изгнанных лигурами, сколько псевдо-Скилаком и Эфором, согласно которым еще около 350 г. до н. э., севернее Эмпориона, пограничного города иберов, живут лигуры»⁵. Оба аргумента совершенно лишены основания. Фукидид (VII, 2, 2), на которого ссылается Шультен, действительно высказал мнение, что сиканы в Сицилии—иберы. Попали они в Сицилию, по его мнению, таким образом, что «иберы были прогнаны лигиями от реки Сикана, находящейся в Иберии». Это место у Фукидида базируется лишь на вульгарном сопоставлении названия реки Сикана и имени туземцев Сицилии сиканов. Выдумывая такую нелепость, автор (вероятно, это не Фукидид, а какой-нибудь логограф, служивший ему источником для археологии) должен был придумать и причину ухода иберов от реки Сикана, и поэтому он называет лигуров (лишь они были ему знакомы), которые будто бы вытеснили их. Против этого места Фукидида выступали уже древние авторы; например, Тимей (D i o d., V, 2) и Антиох (ibid., XII, 72) (оба из Сицилии) утверждают, что сиканы были автохтонами острова. Некоторые современные исследователи, например, Якоби (FGH, I, 332), Рехе⁶ или Мюлленгоф⁷, категорически отвергают эту басню. С отпадением сиканов-иберов и это «свидетельство» о лигурах на восточном побережье Иберии обращается в ничто. Интересно, что нити от этого первого свидетельства тянутся и ко второму, т. е. к Эфору. Страбон (VI, 2, 4) нам сообщает, что, по мнению Эфора, сиканы были иберами (S t r a b o, VI, 2, 4). Значит, Эфор черпал свои познания из Фукидида, и таким образом для нас теперь вполне понятно, что Эфор мог говорить о лигурах на восточном побережье Иберии. Но Эфор, знавший уже иберов, не помещает лигуров в Иберию. Фрагмент из Эфора, сохранившийся у Скилака, гласит: «Лигии и иберы. От Иберии (иберов) обитали смешанные лигии и иберы до реки Родана. Плавание мимо лигиев от Эмпориона до реки Родана продолжается два дня и одну ночь (FHA, II, 67—S u l a x, 3). Как мы видим, здесь совсем не говорится о лигурах в Иберии, однако ясно проглядывает незнание границы между иберами и лигурами. Эфор только знает, что лигуры живут к северу от Эмпориона, но насколько севернее этого города они живут, он определить не мог.

Указанными выше доводами заканчивается аргументация Шультена при помощи литературных источников. Однако Жюллиан приводит еще одного свидетеля при-

¹ «Numantia», I, стр. 61.

² J u l l i a n, REA, 1905, стр. 231.

³ САН, т. VII, стр. 52.

⁴ M ü l l e n h o f f, op. cit., I, стр. 104. См. приложенную там карту Киперта.

⁵ «Numantia», I, стр. 63.

⁶ R e c h e, RL, «Sikuler I».

⁷ M ü l l e n h o f f, op. cit., I, стр. 172.

существования лигуров в Иберии: это Эратосфен, называвший будто бы Иберию «Λιγυστική χώρα» — лигустийский мыс¹. Если бы это даже было так, то на основе исследований Марра мы имели бы полное право отрицать в этом названии свидетельство о лигурах в Иберии. Однако тут, повидимому, у Страбона возникло недоразумение, так как Эратосфен впервые дал всему полуострову название «Иберия» и в своем перечислении жителей не упоминает о лигурах (S t r a b o, II, 43; III, 2, 10).

Однако Шультен полагает, что одного доказательства присутствия лигуров на полуострове еще мало. Необходимо также установить названия племен. Лигурийскими племенами, по Шультену, являются кинеты². По его мнению, кинеты отличаются своей отсталостью от культурных тартессиев, которые были иберами³. Помимо того, Геродот говорит, что кельты, соседи кинетов, притесняют кемпсов, которые, по Шультену, тоже являются кельтами. Раз кинеты — не кельты и не иберы, то они — лигуры (FHA, I, стр. 94—95). Во всех этих предположениях и выводах нет ни одной иоты реальности, ибо, во-первых, Геродот засвидетельствовал нам, что кинеты — это иберы (FHA, II, стр. 37), во-вторых, необходимо сначала доказать, что кемпсы были кельтами. Покорный прав, когда он, выступая против лигурийской теории Шультена, пишет, что недопустимо без всяких оснований признавать лигурами народы, относительно которых нет указаний на то, что они иберы, как например, кинетов, или обозначать кельтами кемпсов и сефов⁴. Шультен старается найти еще и другие «лигурийские» племена в Иберии. Например, в комментариях к первому тому FHA он говорит, что драганы, живущие в северной части Иберии, являются лигурийскими племенами, так же как и эстримнии (FHA, I, стр. 90, 94)⁵. Эстримнии — жители Эстримнии (Бретани), так что говорить о них не приходится, но обратим внимание на интересную «миграцию», которая происходит с драганами. В течение восьми лет они из Аквитании, где Шультен локализовал их в 1914 г.⁶, успели перебраться через Пиренеи на север Иберии, где тот же Шультен установил их присутствие в 1922 г. (FHA, I, стр. 94, карта)⁷. Конечно, такое «переселение» ничем не может быть обосновано: оно не оправдывается ни сведениями Авиена (Av., 196—198), в которых за это время никаких изменений не произошло, ни какими-либо добавочными источниками. Поэтому оставим их севернее Пиренеев, где их местожительство было установлено другими исследователями⁸ и первоначально самим Шультеном. Необходимость установления их этнической принадлежности таким образом отпадает.

Кроме материала литературных источников Шультен приводит еще данные лингвистического характера; например, название реки Durius — Дуэро — «должно быть» лигурийским, ибо в области западных Альп встречается название Dora Baltea⁹. Уже выше было указано, что Марр отрицает такие омонимы для подтверждения миграции, и поэтому нет надобности возвращаться к этому еще раз. Кроме лингвистических параллелей Шультен еще находит, что сходство между языком современных жителей Каталонии и Прованса тоже восходит к бывшему лигурийскому населению Иберии¹⁰. Шухардт по этому поводу пишет: «Сходство между провансальским и каталонским (диалектами) не имеет ничего общего ни с лигурийским, ни с иберским (языком), оно имеет гораздо более позднее происхождение»¹¹. К этим словам можно лишь прибавить, что оно, повидимому, восходит ко временам средневековья, когда Каталония была «испанской маркой» французского королевства (IX в.).

Далее посмотрим, чем Шультен обосновывает иммиграцию иберов из северной

¹ J u l i a n, Histoire de la Gaule, стр. 259; S t r a b o, II, 1, 40.

² «Numantia», I, стр. 90.

³ Ibidem.

⁴ P o k o r n y, RL, «Iberer» (B. Sprache).

⁵ «Tartessos», стр. 39, карта.

⁶ «Numantia», I, стр. 90, карта 1.

⁷ «Tartessos», стр. 39, карта.

⁸ M ü l l e n h o f f, op. cit., I, карта.

⁹ «Numantia», I, стр. 64.

¹⁰ Ibid., стр. 63.

¹¹ S c h u c h a r d t, op. cit., стр. 115.

Африки. Некоторые источники действительно говорят о ливийцах и эфиопах в Иберии, а именно: Филист называет племя эльбестиев ливийцами (FHA, I, 166; Steph. Byz., фр. 40), а Авиен (Av., 329, 332) говорит, что Герма лежит на Ливийской земле; в другом месте (Descriptio orb. terr., 738) он помещает эфиопов на острове Эрития около Гадеса; то же самое делает Эфор у Страбона (Strabo, I, 2, 26) и псевдо-Скимна (FHA, II, 57; Scymn., 157). Кроме того Авиен (Descriptio orb. terr., 694) сообщает, что, согласно старой традиции, Рона была границей между Европой и Ливией, у Плиния же (III, 33) встречается указание, что один рукав ее устья назывался ливийским, а другой — испанским¹. Могут ли эти данные обосновывать иммиграцию иберов? Нет, они попросту являются лишь последствием географического незнания античных авторов. Но одного отрицания этих ложных сведений недостаточно; необходимо также дать объяснение тому, как они могли возникнуть. Чтобы получить ясную картину, мы должны вкратце проследить расширение этнографического и географического кругозора греков.

На основании дошедших до нас фрагментов в настоящее время полностью выяснены этнографические знания Гекатея. Он поместил на своей карте мира четыре основных народа: на востоке — индусов, на севере — скифов, на западе — кельтов и на юге — эфиопов (FGH, I, 370). Эта грубая картографическая схема легла в основу трудов писателей более позднего времени, и до III в. до н. э. народами этой схемы оперировали, чтобы заполнить пробелы своего незнания жителей отдельных областей и стран². Каково в действительности было состояние знания о западных странах, как нельзя лучше характеризуется признанием Геродота, что для него Запад — незнакомая страна (H e r o d., III, 115; IV, 45). Эфор, который из далекой Кумы в Малой Азии писал об Иберии, пользовался, по словам самого Шультена, наиболее древними ионийскими источниками VI и V вв. (FHA, II, 54). Исходя из этого, для нас вполне понятно, что Эфор мог, не зная расположения Эфиопии и страны кельтов, поместить эфиопов на остров Эритию. Но на самом деле Эфор этого не делал. Эфор у Страбона передает лишь, что существовала версия о проникновении эфиопов до западного побережья (подразумевается западное побережье северной Африки), так как у Гомера эфиопы — самые крайние жители (S t r a b o, I, 2, 86). У Скимна эта версия превратилась в действительность. У Авиена же, на основании трудов Эфора, эфиопы появляются в том же самом месте, так как сам Шультен полагает, что главным интерполятором «перипла массалиста» является Эфор (FHA, I, стр. 35—36). Ливийцы у Филиста и у Авиена, точнее у интерполяторов его источников, являются явной ошибкой, вызванной тем, что оба автора незнакомы с действительным расположением племени эльбестиев и города Гермы. Старый исследователь произведения Авиена Мюлленгоф говорит, что Авиен стал тут виновником большого недоразумения³; вполне возможно, что виною этой ошибки обоих историков являются так наз. ливеофиникийцы, т. е. финикийцы из Ливии, которых помещают в Андалузию. Наконец, обратимся к Роне, которая якобы представляет собою границу Европы и Ливии и один рукав которой, по Плинию, носит ливийское название. При известной склонности античных авторов к использованию старых источников эти сведения, повидимому, восходят в Эсхилу, который, по данным того же Плиния (XXXVI, 32), поместил Рону в Иберию, а раз Рона очутилась в Иберии, то она легко могла стать границей Европы и Ливии, для подтверждения чего могли даже выдумать, что один рукав носит ливийское название. Кстати сказать, Шультен, повидимому, сам чувствует, что эти литературные источники неубедительны, и уделяет им очень мало места.

«Несомненное доказательство родства иберов, ливийцев и современных берберов дает совпадение названий местностей по сю и по ту сторону Гибралтарского пролива»⁴, пишет Шультен, выдвигая свой главный аргумент. Мы уже отметили слова Н. Я. Марра, что материал топонимики не может быть использован как доказательство переселения народа, и здесь остается только подчеркнуть; что и Шухардт, правильно указывая

¹ «Numantia», I, стр. 36.

² RE, Suppl. IV, G i s i n g e r, Geographie, стр. 580.

³ M ü l l e n h o f f, op. cit., I, стр. 162.

⁴ «Numantia», I, стр. 37.

на недостаток теории Шультена, отвергает ее¹. Однако мотивы Шухардта несколько иного порядка, чем у Марра. Он предполагает, что там, где встречаются действительные лингвистические аналогии, они восходят ко времени, когда северная Африка и Иберия были латинизированы. Частично оно, повидимому, так и есть, но в основном омонимы в языках населения этих стран, надо думать, представляют собою яфетические реликты.

Следующим аргументом Шультена является сходство оружия: маленький круглый щит, два копья и метательные камни². Останавливаться на этом нет необходимости, так как эти виды оружия мы можем найти без всякого затруднения у многих народов древности. Далее он отметил несколько примеров сходства в одежде (козья шкура), в украшениях перьями на голове, в маленьких, но хорошо укрепленных поселениях, в обычаях, или, по Шультену, «дурном обычае» (*Ünsitte*), заключавшемся в том, что невеста при выходе замуж должна была на свадьбе, прежде чем принадлежать мужу, удовлетворить всех мужчин-гостей, в полигамии некоторых ливийских и иберийских племен, в поселениях по родам (*Geschlechter oder Sippen*)³ и т. д. Общеизвестно, что любой из этих признаков мы находим у самых различных народов на определенной ступени развития, так что этот материал недостоин возражения.

Примерно так же обстоит дело с источниками по кельтской проблеме. Шультен полагает, что «Геродот является древнейшим свидетелем присутствия их (кельтов) на иберийском побережье океана за столбами (Геракла), севернее лигурийских кинетов, простирающихся до Тахо. Тот факт, что Геродот причисляет полуостров к стране кельтов, по всей вероятности, указывает на то, что он большею частью был уже кельтским, значит, и горное плато было населено кельтами. Это подтверждается почти современным (Геродоту) источником Авиена, которому известны в западной части плоскогорья кельтские племена кемпсов и сефов, а на востоке—берибраки»⁴. Чтобы проверить правильность положения Шультена, обратимся к его источникам. Геродот в одном месте говорит о кельтах: «Также и река Истр (Дунай), берущая свое начало из страны кельтов и у города Пирены, течет, пересекая середину Европы. Кельты находятся за Геркулесовыми столбами, они—соседи кинесиев, которые являются самыми крайними (по местожительству) на западе из жителей Европы» (*ГНА*, II, 28; *Н е г о d.*, II, 33). И в другом: «Ибо Истр протекает через всю Европу, беря начало от (земли) кельтов, которые из народов, живущих в Европе, являются самыми крайними на западе после кинетов» (*Н е г о d.*, IV, 49). Те исследователи, которые рассматривали эти тексты без предубеждения, естественно не могли найти здесь подтверждения наличия кельтов в Иберии. Например, знаменитый кельтолог Жюллиан метко характеризует содержание этих цитат словами: «... тексты Геродота, в которых в одной и той же области помещаются кельты, город Пирены и истоки Дуная, могут рассматриваться лишь как бессвязное сближение чрезвычайно отдаленных предметов»⁵. Хуже чем со свидетельствами Геродота обстоит дело со свидетельством Авиена. Предполагаемый автор перипла, массаиот, ничего не знал о кельтах в Иберии и не мог говорить о них. Ряд исследователей: Э. Мейер⁶, Покорный⁷, Жюллиан и другие, вполне обоснованно категорически отвергают возможность считать источник Авиена свидетелем присутствия кельтов на полуострове. Однако Шультен говорит: «Так как Геродот кинетов располагает рядом с кельтами, а Авиен—кемпсов и сефов... отличает от более древних лигурийских эстримниев, то кемпсы и сефы могут быть только кельтами»⁸. Это утверждение Шультена не выдерживает критики, ибо, во-первых, кельты Геродота—продукт незнания их действительного местоположения, во-вторых, так наз. «лигурийские» эстримнии ничего общего не имеют с Иберией, в-третьих, совершенно неубедительно то, что

¹ *H. S c h u c h a r d t*, *op. cit.*, стр. 122.

² «*Numantia*», I, стр. 45, 46.

³ *Ibid.*, I, стр. 46—48.

⁴ *Ibid.*, I, стр. 104.

⁵ *J u l l i a n*, *Histoire de la Gaule*, I, стр. 308.

⁶ *M e y e r*, *op. cit.*, II, стр. 426.

⁷ *P o k o r n y*, *RL*, «*Iberer*» (*B. Sprache*).

⁸ «*Numantia*», I, стр. 89.

сефы и кемпсы должны быть обязательно кельтами, а не иберами, если они не лигуры. Шультен находит еще другое «кельтское» племя. «Берибраки под именем бебриков ... были известны также и Эфору, как жители области, возвышающейся над восточным побережьем» (S с u m п., 201). Берибраки являются кельтами, следовательно, столько же отличаются от иберов, сколько и от лигуров. Эфор действительно там же, где Авиен, локализирует берибраков, но и он не указал, что они—кельты. Гольдеф, автор капитального труда «*Altceltischer Sprachschatz*», несомненно первоклассный авторитет по вопросам кельтского языка, оба названия не признает кельтскими и не включает их в свой труд. Свидетельство Диона Кассия (fragm. 53/56), как и Силия Италика (III, 420 сл.) и Tzetzes ad Lykophron. (1305) не могут быть приняты во внимание, ибо восходят к мифу, согласно которому Геракл на пути в Иберию был в гостях у некоего царя Бебрика (Вебрух) и, напившись пьяным, изнасиловал его дочь Пирену (Ругеле). Чувствуя себя беременной, боясь гнева отца, Пирена убежала в горы и там была разорвана дикими зверями. От нее якобы получили свое имя Пиренейские горы. Античные географы, например Страбон, Мела и другие, ничего не знают о племенах берибраков, или бебриков, в Галлии. Мюлленгоф категорически отрицает всякую возможность, исходя из этой басни, локализовать берибраков-бебриков Диона Кассия севернее Пиренеев в Нарбоннской Галлии.

Следующим мнимым свидетелем Шультена является Эфор: «Затем, после двухдневного плавания прибывали на счастливый рынок, называющийся Тартесс—славное государство, которому река несет олово, золото и медь в большом количестве из Кельтики. Так называемая страна Кельтика распространяется до моря, находящегося у Сардинии» (ФНА, II, 55; S с u m п., 162). «Эфор считает Кельтику весьма обширной, так как приписывает ей большую часть, до Гадеса, той страны, которую мы теперь называем Иберией» (ФНА, II, 59). Оправдывают ли эти места из Эфора вывод Шультена: «Значит, и при Эфоре кельты, очевидно, занимают западное побережье и все горное плато». Прежде чем ответить на это, мы должны сначала разобраться в источнике этих высказываний Эфора. Выше было уже указано, что сведения Эфора восходят к Гекатею; это признал в другом месте и Шультен (ФНА, II, стр. 54). Так как кельты никогда, даже согласно кельтской теории, в Каталонии не были, то отсюда ясно, что автор этого фрагмента был в абсолютном неведении относительно того, где находится страна кельтов и где—страна иберов.

Далее Шультен полагает, что Тимей еще в III в. называет центральную Иберию страной кельтов¹. «Тимей видит недостаток рек, впадающих в Атлантический океан, в том, что они, проталкиваясь через гористую Кельтику, хотя на своем пути и наполняются водой, но, задерживаясь на остановках (порогах или ущельях), теряют воду» (ФНА, II, стр. 505; P l u t., De plac. phil., 897e). По мнению Шультена, во времена Тимея знали лишь океан у западного побережья Иберии, и поэтому под «гористой Кельтикой» следует понимать центральную Иберию, а не гористую часть Галлии (ФНА, II, стр. 105). Шультен в данном случае противоречит самому себе, ибо Шультен немного ниже говорит, «что иберы около 300 года до Р. Х. стали хозяевами горного плато»², а раз это так, то Тимей, писавший около 260 г., неправильно назвал бы центральную Иберию «гористой Кельтикой». После всего сказанного ясно, что «гористая Кельтика» ничего общего не имеет с Пиренейским полуостровом.

Эратосфен—последний греческий географ, который, по теории Шультена, говорит о кельтах на западном побережье Иберии³. Эратосфен впервые назвал весь полуостров Иберией (S t r a b o, II, 4, 8), что было отмечено Шультенем. Несмотря на это, Жюллиан хотел его использовать как свидетеля присутствия лигуров на полуострове (стр. 26), а теперь его материал якобы сообщает и о кельтах в Иберии. Мы имеем здесь прекрасную иллюстрацию того, каким образом сведения одного и того же историка по мере надобности трактуются по-разному. Страбон, в полемике

¹ «Numantia», I, стр. 96.

² Ibid, стр. 99.

³ Ibid., стр. 97.

с Эратосфеном относительно определения расстояния от крайнего мыса Индии до Столбов Геракла, говорит, что Эратосфен ошибся в расчетах, ибо он включил в это расстояние еще «противоположный иберам—τὸ ἀντικείμενον τοῖς Ἰβήραις» выступ полуострова, находившийся западнее Столбов. Выдержка из последней фразы—«противоположный иберам»—кажется Шультену достаточной, чтобы на основании ее заключить о наличии кельтов на западном побережье Иберии. Опорой при этом ему служит использованная Страбоном, но не принадлежащая ему критика (Полибия или Посидония) сведений Эратосфена, где говорится, будто бы Эратосфен в каком-то месте своего произведения упомянул о кельтах около Гадеса, а когда приступил к описанию отдельных племен полуострова, забыл про это и говорил только об иберах, нигде не упоминая о кельтах (S t r a b o, II, 4, 4). Нам кажется, что эта мнимая забывчивость Эратосфена является попросту придиркой критикующего. Важно здесь то, что Эратосфен, приступая к подробному описанию полуострова, знает только иберов и поэтому, как указано выше, распространяет название «Иберия» на весь полуостров.

Если мы подведем итог всему сказанному, то необходимо сделать вывод, что до III в. до н. э. у нас полностью отсутствует свидетельство о кельтах на Пиренейском полуострове. В III в. на полуострове впервые появляются греческие историки, Сосил и Силен, и мы с этого периода можем рассчитывать на точные сведения очевидцев. Хотя труды обоих до нас не дошли, однако их наследство сохранилось у Полибия. Против ожидания сторонников миграции, Полибий ничего не знает о кельтах в Иберии. Шультен сам признает: «При следующем свидетеле Полибии, который изображает нам этнологические отношения полуострова около 150 года, фактически весь полуостров является иберийским»¹.

Шультен считал очень важным свидетельством наличия кельтов на плоскогорье имя «кельтиберы». Прежде всего необходимо отметить, что этот термин интересовал уже античных историков. Целий, который, повидимому, лег в основу сведений Аппиана, был знаком с этим термином и пытается найти ему объяснение. Мы читаем у Аппиана: «... мне кажется, что некогда кельты, перейдя Пиренеи, поселились рядом с ними (иберами) и таким образом произошло это имя кельтиберов» (A p p i a n u s, VI, 21). То, что у Целия было только мнением, у более поздних римских писателей выдается уже за действительность. Например, Плиний (III, 8) пишет: «По М. Варрону, во всю Испанию пришли иберы, персы, финикийцы, кельты и карфагеняне». Лукан сочиняет: «И кельты, бежавшие от древнего племени галлов, смешавшиеся в своем названии с иберами»².

Шультен уже вкратце изложил противоречивые мнения современных исследователей этого вопроса³, и нет надобности его повторять. Он решительно выступил против тех, кто полагал, что кельтиберы—это значит кельты в Иберии, и пытался доказать, что кельтиберы—это иберы, занявшие территорию кельтов⁴. Доводы Шультена неубедительны. Шухардт, например, приводя примеры античных названий: Gallograeci, Ἑλληνογαλάται и др., пишет: «... кельтиберы могут быть столько же кельтизированными иберами, иберами с кельтским языком, сколько кельтскими жителями Иберии... Название кельтские иберы отнюдь не должно обязательно означать, как это утверждает Шультен (18 сл.), «вторгавшихся в кельтскую землю иберов» и у к а з ы в а т ь н а и с т о р и ч е с к о е с о б ы т и е»⁵ (подчеркнуто нами.—Д. П.). Предположение Шухардта, что под этим термином не скрывается историческое событие, подтверждает Страбон, говоря: «Позднее, при знакомстве с западными странами, живущие там кельты и иберы ими (географами и историками) были названы смешанным именем кельтиберов и кельтоскифов, так как по причине незнания каждого из этих народов им было дано общее название» (I, 2, 27).

¹ «Numantia», I, стр. 101.

² H o l d e r, op. cit., I, стр. 923; L u c a n, 4, 9 сл.: «Profugique a gente vetusta Gallorum miscentes nomen Hiberis».

³ «Numantia», I, стр. 16—17.

⁴ Ibidem.

⁵ H. Schuchardt, op. cit., стр. 122.

Н. Я. Марр дает марксистское объяснение возникновения и значения термина «кельтиберы». Он пишет: «... Когда на основании не источников, а работ поборника иранизма Мюлленгофа... и ... исследователя иберийских древностей Шультена, М. И. Ростовцев категорически утверждает, что кельтиберы созданы Посидонием, то это неосторожно. Скажу более: это утверждение в такой формулировке абсолютно неприемлемо, ибо иначе можно подумать, что скрещенных племен, в частности скрещенных с иберами и кельтами, в Испании не было, а между тем племенная номенклатура западной Иберии... сохранила ряд таких составных этнических терминов бесспорно западного происхождения, например, *Қан-ta-br* или *Қан-ta-ber*. *Қан-ta-br*—это не двух-, а трехэлементное соединение, из трех племенных слов, ионского (*Қан*), сальского (*ta*) и берского (*ber*), т. е. в двух первых своих частях то же, что представляет собой термин *Кел-т* по составу элементов (не по порядку их расположения), а в третьей—основной ныне элемент термина *i-ber*»¹. При этом мы должны учесть, что под кельтским элементом Н. Я. Марр здесь подразумевает, выражаясь его словами, не «цельную массивную народность», проникшую в Иберию путем миграции, а кельтский социальный слой «с глубокими на местах корнями»².

Последние иберийские племена, которых Шультен хочет сделать кельтами, это бероны и оретаны. Страбон, следуя традиции римской анналистики, сообщая о народах, вторгавшихся в Иберию, между прочим, говорит, что иберы подчинились и «кельтам, которые теперь называются кельтиберами и беронами» (III, 4, 5). Шультен находит, что мнение Страбона относительно того, «что кельтиберы являются кельтами, ошибочно, но почему-то предполагает для беронов кельтскую этническую принадлежность. Конечно, бероны такие же иберы, как и кельтиберы. Про оретанов Плиний в одном месте говорит: «Оретаны, которые являются также и германами» (III, 25). Шультен, полагая, что германы—название кельтского племени в Галлии, находит, что Плиний познакомил нас с «достопримечательным остатком кельтов... германами, слившимися с иберийскими оретанами»³. Такое предположение столь же необоснованно, как и мнение Нордена относительно того, что эти германы являются германским племенем, попавшим на Пиренейский полуостров вместе с иммигрирующими кельтами⁴.

Наиболее убедительным лингвистическим доказательством распространения кельтов в Иберии Шультен считает название городов или городищ с окончанием *-briga*⁵. К совершенно другому результату привело исследование этих слов Жюллиана, который, надо полагать, все-таки разбирается во всем, относящемся к кельтам. Он установил, что эти слова не принадлежат кельтам, а, повидимому, лигурам. Жюллиан пишет: «Это слово „briga“ почти никогда не бывает присоединено к действительно кельтскому слову».

Что касается археологического материала, Шультен и Бош-Гимпера приписывают кельтам галльштаттскую культуру, в то время как иберам якобы принадлежала более поздняя культура Латен. Так как Латен является дальнейшей ступенью галльштаттской культуры, то естественно, что в береговой полосе и Турдетании, где уровень развития общества был гораздо выше, археологические исследования обнаружили вещественные памятники периода Латен, а в центральной, западной и северной Иберии с более отсталым населением—галльштаттскую культуру. Совершенно очевидно, что расхождение в находках вещественных памятников объясняется не этнической разницей населения, а различным уровнем развития общества.

В дальнейшем мы должны будем возвратиться к этому вопросу и по-новому предположить разрешить этот запутанный старой наукой вопрос.

Д. Петерс

¹ Н. Я. Марр, Скифский язык, «Избр. раб.», т. V, 1935, стр. 194—195.

² Е го же, Родная речь... «Избр. раб.», т. V, 1935, стр. 430.

³ «Numantia», I, стр. 103.

⁴ Norden, Die germanische Urgeschichte, 1923, стр. 393.

⁵ «Numantia», I, стр. 23.